

ний становится своеобразным культурологическим комментарием к эпистолярному тексту, благодаря которому данный текст обна- руживает в себе смыслы, доселе существовавшие лишь в его се- мантическом подтексте.

Связи между письмом Фонвизина сестре и зятю, написанным в апреле 1766 г., и «Петербургским текстом» достаточно разнооб- разны и многоаспектны.

Начну с более случайных, частных, но все-таки существенных созвучий. Так, немаловажно, что письмо, включающее в себя шутку о странном происшествии в Петербурге, отправлено в Москву. Тем самым возникает намек на оппозицию «Санкт-Пе- тербург—Москва», столь значимую для «Петербургского текста». Еще более значим фантастический элемент, который проявляется как в образе «некоего темного духа», являющегося одновременно поваром Астрадамом, так и в превращении (пусть и в кошмарном забытьи, впрочем — забытьи ли?) Ваньки в правую коренную ло- шадь — фантастика именно такого рода является неперменной частью «Петербургского текста русской литературы».

Но, конечно, более важными являются переключки другого рода. Прежде всего, следует обратить внимание на стилистиче- скую атмосферу письма. Она создается соединением ироничности с внешне наивно-достоверной манерой повествования, с некото- рым наигранным псевдопростодушием. Возникающая благодаря этому двусмысленность поддерживается и усиливается постоян- ным пародийным использованием церковнославянизмов — и лек- сических, и грамматических: «глава», «масло древяно», «бе виде- ние», «во образе человечестем», «поведа... сие видение». Немало и стилистических клише, принадлежащих церковнославянской литературно-языковой традиции: «должно делать согрешившему ведением и неведением», «приносит на сих днях во грехах своих покаяние», «напал на него некоторый род дремоты», «пришел к нему некто из темных духов во образе человечестем» и т. д. Несот- ветствие высокого стиля, к которому отсылают данные слово- сочетания, откровенно смеховой ситуации делает повествование не просто пародийным, но и придает ему известное напряжение. Ему также способствует столкновение церковнославянских сти- листических оборотов с выражениями сугубо разговорными: «от- ветствовал ему, не обинуясь», «какая нужда до души его — пова- ру», «стал точно такая же лошадь, как наша правая коренная, ко- торую я ныне нанимаю». В результате всего этого создается своеобразная речевая маска, формирующая образ рассказчика, а следовательно — сказ. Сказовая манера изложения, скорее, свойственна эпистолярному стилю Фонвизина в целом, однако здесь она приобретает подчеркнутый характер.

Сказ существенно сближает анализируемое письмо с «Петер- бургским текстом», многие составляющие которого (произведе-